Отголосок

Зыркает обыватель, очи вгрызлись в «пластик»,
И всякий – искусник разглагольствовать, глазить.
Но мне недосуг! У подножия вулкана
Я всего лишь мираж, именуемый Жанна.
Там, где изгородь выстроил колкий шиповник,
Дом бревенчатый жив, он один меня помнит.
Лес прозрачен, глубок. С малых лет и доселе
Я молюсь по ночам обезглавленной ели.

Бугор

Щебет пташек… Бродит кто-то!
Искаженные черты.
То ли ливень, то ли хохот
Голосит: «Иду на вы!»

Пеленой зловещей застлан,
Улюлюкает бугор.
Лесовик иль чёрт горластый
Вход в леса багром подпёр?!

Черной силы рыщет свора,
Изнывает березняк.
«Погоди! Возьмём измором!» –
То ли призрак, то ль сквозняк.

У бугра таится домик –
Деревянная броня!
То ли жив он, то ли помер,
То ли сумраком объят…

Надкус

К перемене погоды грусть,
Небо – ватное одеяло.
Не сложились стихи – и пусть…
Треугольники и овалы.
Лист исписан, шероховат.
Что ни день, то почти что прожит.
Вдохновение в аккурат
Сматерилось, скривило рожу.

Прицепилось словечко «гнус»,
Подтянулись «бурьян», «пылища».
И не жизнь, а сплошной надкус.
Новизны…
ищем… ищем…

Голос

Выкричать горесть, безбудущность, холод,
Возраста дискомфорт.
Где пришвартован убежище-город?
Город, ко мне!
Апорт!

Голос на счастье подай глухомани.
Привязь перегрызи!
Предпочитаю офлайн онлайну…
Голос!
Город вблизи.

Не оставляя когтей отпечатков,
Полем-перекати…
Комедиантство на обе лопатки!
Город, зол.
Город, мстит!

Холодность.
Оттепель нынче по блату
В мире тахикардий.
Непрекращающихся снегопадов
Город ждет…
Город, жди!

От выдоха до вдоха

Взъерепенилась протока
Чешуей бурливых вод.
Жизнь от выдоха до вдоха
Жжёт пунктиром. В мыслях: «Вот…»

Удила изъели волны –
Всплеск свободы! Погляди:
Судороги небо сводят
Щупальцами вязких тин.

Утопилась бренность прока,
Облачившись в серебро.
Медной проволокой – роком
Солнце всмятку на зеро…

В поиске друг друга

Не нова игра в любовь – прежде исстрадалась:
Поселение Ключи, улица Усталость.

Когда нагрянули в печали
И сотрясается округа,
Мы в вечном поиске друг друга
Произрастаем молочаем.

Перекрести меня молчаньем…
Когда выносят смысл за скобки,
А память заперта в подсобке,
Забвенье угощает чаем

Не тех… не с теми… Докучаем
Стихами, письмами, мольбами.
Друг друга расшибаем лбами
В неумолкающем рычанье

Судьбы глагольных окончаний
За неявление ночами.
Во снах друг друга обнаружим,
Увы… не ставший моим мужем.

Сущность общежитий

Бездомным псом, свернувшимся клубком,
Я постигаю сущность общежитий.
Ужиться... Втечь стеною в пол. Комок
Стихов извлечь из глотки трижды. Ближе

Подвала клеть. Отгорожусь свечой
От чувств и мыследействий под копирку.
Из мира баловней, где в доску свой –
Глупец... себя я вышвырну за шкирку.

Приступ.
Вулканом эго истерит,
Кляня возню сует и пофигизма.
Пружины дней рождают ритмы рифм.
Луна-вахтерша скалит зубы, грымза...

Слякоть.
Так поглощает мысль вода.
А шар земной пронзила арматура.
Гляжу в дома и на дома, отдав
Последний грош пьянчуге сдуру. Труден

Прыжок сознанья в полынью. Влекут
Рубли разгоряченных полуночниц.
Вдыхаю одиночество. А Кутх
У совести выклёвывает очи...

***
Что мы имеем?
Так, плесневеем…

Кризис веры

Мысль куёт слова в кузне подсознанья.
Вечная борьба с разумом. Осанну
Петь не стану лжи. Сердцу стихотворца
Правдою болеть. Молвят: «Цыц, оторва!

Истина грешна! Памятуй, негоже
Байки дна травить! Рвань в местах отхожих
Треба утопить!» Бьёт челом угода,
Теребит Псалтырь. Вздёрнулся с чегой-то

Праведник-немтырь. Всенощная, толпы –
Взвинчено село. Освещает торбы
Спьяну дурачьё. Дева мироточит,
Кровоточит крест. Кризис веры мощью

Похулил Завет. Поцелован Богом
В лоб грешной народ. Жизнь не вкривь, а боком…
Да и правды нет. Правда, что покойник,
Отжила своё. Нехристи, отпойте

Подлое нутро. Передёрнул карту
Пресловутый фарс… а быть может, карма
Целится в анфас. В русскую рулетку
Вздумал фаталист, поплатился лет так в…

Всё одно и то ж. В шею летописцев!
Мировая ложь вынуждает спиться.
… Вкрадчивая речь к душам горемычным
Из словес куёт ржавые отмычки.

Шарж

Что померла! Лет двадцать умирала.
И не жила, и не давала жить.
Бессилием… валосердином, калом
Пропахло всё! Потрачено деньжищ.

Захоронения. И в эту гущу
Впихнули гроб. Сто фронтовых – не дрейфь!
(Век двадцать первый тщательно расплющил
Невольницу фашистских лагерей.)

Покоишься… Незримая оттуда:
– Одумайтесь!
Всё надзираешь?! Ша!
У Бога вызнай правду про Иуду.
На памятник – без возражений! – шарж!

Северное

<Анне Яковавне>

I.

– Поведай Север, Яковавна!
– Гнездится шторм в глазницах лавы.
Не дремлют дебри: «Прочь, незваный!
С вершин спускаются обвалы!»

Крадется Кутх тропой медвежьей.
Лучи вложило солнце в ножны.
– Напой душе заиндевевшей
Легенд былье́ и невозможность.

Поведай землю бубном предков,
Наполни плёс хандрой залива.
– Луна укутывает пледом
Табун оленей боязливых.

– Поведай Север, Яковавна…
– Шатун встревожил побережье.
Почуй: насупились вулканы,
Собаки лают, люди брешут.

– В твоих краях я чужестранка,
Я и своей страны не знала:
Мне Польша видится в распадках…
Напой мне Польшу, Яковавна.

II.
– Напой снега мне, Яковавна.
Клыками стынь впилась в ладони.
– Плывут созвездий караваны,
Взывают волки, тени молвят.

– Напой ветра мне, Яковавна.
Всколышь отчаявшийся Север!
– Охотник чужестранцу Фавну
Вверяет лап еловых веер.

Чертог Луны обвит обрядом,
Упряжки мчат на шабаш нечисть.
– Звезда, взошедшая тридцатой,
Помножит чёт на сирый нечет.

Поведай Север, Яковавна!
Душа во тьме блуждать устала…
– Душа – объятие вулкана,
А слёзы… слёзы – пламень лавы.

– Восхода хлыст стегает Запад,
Я по себе истосковалась.
– Волк норовит медведя сцапать,
В берлоге фыркает лукавый.

– Не сокрушайся, Яковавна…
Я – Польши… Польши отголосок.
Всмотрись: у пропасти коварной
Возник фантом в моих обносках.

III.

– Сроднись с Камчаткой, Яковавна,
Не предавай своих корней.
Мне тундра видится саванной
Под кровом дюжих кедрачей.

– Взгляни: старик Хемингуэя
Моря с коряком бороздит.
И вторят чайки бубну: «Эй-е!
К Сантьяго с Ойе мчится кит!»

– Угаснет день венком кипрея,
Вспорхнёт жемчужинкой луна.
– На северах не каменеют,
Сердца огнём упеленав!

– Напой Камчатку, Яковавна,
Аккордом Вывенки-реки.
– К норе ручей ведет кровавый –
Волков стреляют чужаки.

– Не убивайся, Яковавна!
Отмстим клыками гордых стай!
Сбери в ладонь запретных ягод[1],
Я стих прочту, ты – угощай…

IV.

– Расстаться с чуждою Камчаткой,
Сцепиться с властью в ярой схватке!
– Ты из волков – сильны повадки!
Вступись за нас, укрой Камчатку.

---

[1] Волчьи ягоды – кустарник с ядовитыми красными ягодами.

– Свобода в вас! Казнён глашатай,
Стихи кладбищенской оградкой.
– С верхами враждовать чревато…
Меха, лосось – «богам» уплатой.

– Дрожит земля, но что ей стоит
Встряхнуть безропотное племя?!
– В легендах заперты герои…
Валежник сыр, дымит и тлеет.

– Сражает Север зоркой глушью!
С лихвой расставлены капканы,
Зверь обойдет, а рвач – послушно.
– Грядут осадки окаянны.

– Расстаться мыслями с Камчаткой,
Прорваться волком сквозь облаву
И жизни хлёсткою цитатой
Судьбу поведать, Яковавна…

Час волка

Час Волка – яви сон, явь сна.
Eugene

Eugene, я онемела… Отчего?
Нелепость болтовни похлеще хмеля
Коробит. Стеклотарою отчёт
Прими! Шучу… остроты охамели.

Стихами подвожу итог черты –
Лишь «волчий голос в поле»[2]… Темь. Початый
Выплакан давно. Осточертело «ты».
Пространство странствий давит, тень – отчасти.

На пепельном следов не отыскать…
Манит южан сияньем север – Lupus
Свершает роковой прыжок. Ты как?
Наивен и растерян. Не лучше б

Нам шагнуть в позавчера? Самоубийств
Волна есть обострение депрессий.
Поэзию вливаю в вены. Убыть?
Куда?! Полярная недвижна… Пресня

В коллектор варварски заточена
В восьмом… и белый дом над ней хохочет.
Суть точки многоточием точна…
Взываю к сущему: «Помилуй, Отче!»

Отрубленная голова строки
«Палач» – мной недописанной – бормочет
И катится отверженная в скит…
Час Волка выпроваживает кочет.

---

[2] Цитата из стихотворения А. К. Толстого «Край ты мой, родимый край!..».

К Эжену

И всё, что есть в тебе,
О чём не слышал я…
Eugene

В каком неистовом аду
(тебе ль не знать!) я кувыркалась.
Рыдая, проклинала ту…
(Уверена, ей там икалось!)

Нарёк меня «Принцессой Дна» –
Респект, жму руку! Дно я знаю!
Крах… Недоверие – вина
Предательств. Говоришь, таскаюсь

Как привидение… Что он
Судьбы волчицы не достоин,
Игрой в любовь опохмелён,
Увлёк… Куда? В каком из стойбищ

Меня искать? Лишь ительмен
В дуэте с бубном трансом горла
Всплачет: «Забудь о Мельпоме-
не! Нет?! К шаману… Дурь прогоркла».

Квасишь… опустошив опять
Очередной, очередную?
Во снах пытаешься обнять
Мечту-блудницу. Росчерк: «Ну их!

Руины завтрашнего дня!»
Глотаешь клофелин безумий.
Души потёмки – западня –
Мелькнувшей одичалой музы…

Сплюнь же… калейдоскоп тревог!
Засос чернильным поцелуем –
Верлибр… Merci, Eugene, его
(письмо) храню я. Избалуешь…

Помяну разлуку встречей…

Помяну разлуку встречей,
Полюбив тоску глуши.
Где закат широкоплечий
Из саран пугливых сшит.

Тополя снегами схлынут,
Стрекозой взметнется пух.
А обозы мыслей ссыльных
Поглотит еловый хруст.

Помяну разлуку встречей,
Пригубив мечты настой.
И в стихах увековечу
Еле слышное «постой»…

Девять граммов нетто

Что скандалишь, вьюга, что декабрь тревожишь?
Запрягает звёзды полумесяц-сторож.

Прослезись, икона, помолитесь, свечи,
Покидаю пристань ради новой встречи.

(Обезумел Петер, да и я не Грета.)
Знать, тоской по дому страннице согреться.

Не гневитесь, сопки, не хворайте, ели.
Неспроста хвоинки дней заиндевели.

Серебринки пепла отпоют погосты.
Все мы в этом мире заплутавшем гости.

Сбережёт надежда помыслов порывы.
Крест моей любови из могилы вырыт…

Подивится, вспыхнув, пришлая планета:
Золотится в небе девять граммов нетто…

Не напрасную, вьюга, тлен не растревожишь.
Упорхнули звёзды, растрепались вожжи.

Всего лишь снег

Я не раскаиваюсь, нет…
И не молю о снисхожденье.
Снежинки – это просто снег,
Еловый снег и хвои жженье.

Взъерошен лес, взъерошен смех.
Лавины сход. Созвездий зелья.
С небес сорвавшееся «Эх…»
В сугробы сна и запустенья.

Лишь на пожарище светил
(Венерой Марс обезоружен)
Глядит с иконы девясил
Кошачьим взглядом равнодушным…